

Глава 15. Бессмертный под лунным светом (Часть 2)

Шэнь Цинхань хранил молчание.

Ин Сыинь небрежно махнул рукой слугам:

— Оставьте вещи и уходите. Все вон.

— Слушаемся, господин хоу.

Гу Цзэсяо, которому всё утро казалось, будто он столкнулся с чем-то запредельным, не горел желанием оставаться. Он поспешил выйти вслед за служанками. Стоило дверям закрыться, как снаружи тут же послышался приглушённый шёпот.

— Этот молодой господин Шэнь невероятен... Надо же, так приручить нашего хоу!

— И не говори. Предыдущий фаворит после трёх дней рядом с господином и глаз поднять не смел, а этот? То лицо воротит, то чашки бьёт. Даже персиковое дерево в саду, за которым господин сам ухаживал, и то пострадало — мечом добрую половину цвета снёс!

— Что?! — Гу Цзэсяо вскинул голову и в изумлении уставился на дерево в центре двора.

Слова служанки не были преувеличением: розовые лепестки густым ковром устилали землю.

— Ну и дела... — пробормотал он. — Такими темпами и до беды недалеко. Пойду-ка я, доложу старому дворецкому.

Цзэсяо сорвался с места и убежал. Служанки лишь недоуменно переглянулись; они знали, что господин дорожит этим деревом, но не ведали — почему.

В комнате Ин Сыинь сосредоточенно рассматривал три принесённых наряда. Выбрав один, он подошёл к Шэнь Цинханю, держа в руках платье и нефритовый венец. Склонившись перед юношей, он взял его за пальцы и заглянул в лицо.

— Ну что опять стряслось? С самого утра нет настроения. Неужели я был слишком груб ночью?

Шэнь Цинхань слегка отстранился, явно не собираясь отвечать.

— Почему тебе не нравятся эти одежды? — продолжал Ин Сыинь. — Непривычно после тех, что ты носил обычно?

Если рассуждать здраво, дырявое даосское облачение из гор Куньлунь не шло ни в какое сравнение с тканями, присланными из Имперской столицы. Тем более вещи предназначались для поместья хоу Цзибэй — никто в здравом уме не посмел бы прислать сюда что-то посредственное. И материал, и покрой были безупречны.

Ин Сыинь понимал: Цинхань привык к простоте, и роль богатого молодого господина была ему в тягость.

— Пойми, ты больше не на Куньлуне. Ты — часть поместья хоу Цзибэй. Ты мечтаешь стать первым мечом Поднебесной, величайшим мастером в мире. А для этого тебе придётся превзойти меня.

Шэнь Цинхань наконец поднял на него взгляд. Заметив, что юноша готов слушать, Ин Сыинь просиял.

— Привычки нужно менять. Например, твой меч. От него пора избавиться.

— Почему?

— Он слишком дряхлый.

— Но я пользовался им десять лет.

— Десять лет или сто — какая разница? Старое должно уступать место лучшему. Если хочешь стать мастером, начни с оружия: оно должно быть мощным, удобным, таким, чтобы враг запомнил его с первого взгляда. Взять хотя бы мой Кровавый меч, способный в одиночку противостоять целой армии. Сама по себе сталь в нём не уникальна, но я наделил её смыслом. Без меня это просто кусок железа, но в моих руках он заставляет мир трепетать.

Сыинь понизил голос до вкрадчивого шёпота:

— Только благодаря Ин Сыиню этот клинок стоит десяти тысяч воинов. Поверь, даже если я когда-нибудь умру, за мой меч люди в Поднебесной будут грызть друг другу глотки.

Шэнь Цинхань верил. Он покосился на свой меч — обычную железную поделку, коих на Куньлуне были сотни. Узоры на рукояти давно стерлись под его пальцами.

— Меч нужно сменить, и одежду тоже. Где ты видел великого героя, который выглядит так безобидно, что его и за угрозу-то не принимают?

— Но эта одежда...

— Обещаю, в ней ты будешь неотразим.

— Слишком вызывающе, — Шэнь Цинхань коснулся пальцами венца, хмурясь в нерешительности.

— Вызывающе? Да Хоу Вэй выпрашивал её у меня, а я пожалел! Знаешь, сколько она стоит? Мастер должен выглядеть соответственно. Все герои, вошедшие в историю, имели свой неповторимый облик. Кто запомнит безликого даоса или монаха? О тебе должны знать: вот идёт Шэнь Цинхань. А если ты предстанешь перед людьми в этом старье, тебя и не узнают.

Шэнь Цинхань выбрал лазурное платье с широким поясом. Когда он вышел из-за ширмы, Ин Сыинь уже ждал его с венцом в руках.

— Мой Цинхань в любом наряде хорош.

Юноша сел перед зеркалом. Прежний холод, напоминавший вечные снега Куньлуня, никуда не исчез, но в новом одеянии он казался иным человеком. Теперь, отражаясь в одном зеркале с Ин Сыинем, они действительно выглядели парой — людьми одного круга.

Ин Сыинь никогда не казался тем, кто склонен к заботе, но то, с какой ловкостью он принялся укладывать волосы Шэнь Цинханя, заставило того насторожиться.

— Ты часто расчёсывал волосы другим? — внезапно спросил Шэнь Цинхань.

Ин Сыинь на мгновение замер, закрепляя венец. Ответ был кратким и твёрдым:

— Никогда.

Шэнь Цинхань не стал спрашивать дальше.

— У меня есть меч, который тебе идеально подойдёт.

После примерки и причёски Ин Сыинь повёл его в свою оружейную. Оба, облачённые в изысканные шелка, притягивали взгляды всех обитателей поместья. Хоу, который последние шесть лет провёл в затворе и часто расхаживал в домашнем халате, впервые за долгое время выглядел по-настоящему величественно.

— Клинок твоего меча отливают лазурью, — рассуждал Ин Сыинь, открывая лакированный футляр на третьей полке. — У меня как раз есть нечто подобное, только во сто крат ценнее.

Шэнь Цинхань заглянул в коробку и замер.

Эфес был выточен из цельного куска нефрита Хэтянь. Стоило коснуться его, как по руке разлился чистый, прозрачный холод, проникающий до самого сердца. Вес и длина меча идеально ложились в руку — куда лучше, чем у старого клинка. Сталь выходила из ножен с тонким, мелодичным звоном.

В глубине души Шэнь Цинхань чувствовал, что поступает неблагодарно по отношению к своим учителям, но сейчас этот меч манил его непреодолимо.

— Он твой, — легко бросил Ин Сыинь и выкинул пустой футляр в окно, давая понять, что подарок возврату не подлежит.

— Откуда он у тебя?

— Не помню. Он лежал здесь с моего детства. Этот нефрит тебе к лицу. Как только я увидел тебя, сразу понял: этот меч должен принадлежать тебе.

Шэнь Цинхань взвесил оружие в руке. Он был более чем доволен.

— Раз он тебе так нравится, начнём тренировку сегодня же, — Ин Сыинь мгновенно уловил перемену в его настроении. — Но предупреждаю: я строг. Будешь плакать — не жалуйся. За один год со мной ты научишься большему, чем за десять лет на Куньлуне.

Место для упражнений стоило выбрать просторное, но Шэнь Цинхань упрямо направился к старому персику. Ин Сыинь задумчиво взглянул на искалеченное дерево, лишённое половины своих цветов, но лишь вздохнул и махнул рукой:

— Ладно. Твоя воля. Лишь бы ты был доволен.

— Ань-бо, нашего хоу точно не подменили? — Гу Цзэсяо сидел на каменных ступенях, подперев подбородок ладонями, и во все глаза наблюдал за парой под деревом.

— Возможно, это лишь минутная прихоть, — отозвался старый дворецкий. — Через пару дней запал остынет.

— Думаете?

— Скорее всего.

Уверенности в голосе старика не было. Человек склада Ин Сыиня по натуре не был склонен к долгим привязанностям. Но дерево, которым он дорожил больше жизни, теперь уничтожалось на его глазах, а он и слова не сказал.

— А как же тот... прежний? — неожиданно спросил Цзэсяо. — Человек, которого он так неистово любил. Его так просто заменить?

— Просто? — Ань-бо горько усмехнулся. — Прожить столько лет в ожидании, прежде чем получить хоть какой-то шанс... Ты называешь это «просто»?

— Но в историях, что рассказывают в чайных, любовь — это на всю жизнь. Разве эти шесть лет могут с ними сравниться?

— Жизнь — это жизнь, а сказки — это сказки. Вытерпеть эти шесть лет было ох как непросто.

— Значит, и Шэнь Цинхана можно заменить? — не унимался юноша. — Одного ждал шесть лет, другого подождёт. Двенадцать лет — невелик срок.

— Глупый малец, — Ань-бо легонько хлопнул его по затылку. — Двенадцать лет для тебя ничто? Я вот не уверен, что проживу ещё двенадцать.

— Хе-хе, наш старик точно дотянет до ста лет! — улыбнулся Цзэсяо.

Под деревом Ин Сыинь постоянно прерывал тренировку Шэнь Цинхана. На Куньлуне юноша привык к иному: ты, твой меч и наставник. Тренировки длились днями и ночами, и всё зависело от твоего усердия и таланта.

— Руку выше, — Ин Сыинь стоял в стороне, скрестив руки на груди.

Его голос изменился: исчезла ленивая небрежность, тон стал холодным и сухим. Теперь он не был любовником, он был строгим учителем.

— Руку прямо.

— Разворачивайся быстрее.

— Почему замер? Нужно было бить сразу!

— Не обнажай меч слишком поспешно. Это выдаёт твою неуверенность.

Ин Сыинь подошёл ближе, ловя взгляд Цинхана.

— Настоящий мастер в любой ситуации сохраняет невозмутимость. Пока клинок не коснулся твоей кожи, ты должен быть неподвижен, как гора. Вступай в бой только ради победы. Нет уверенности — не принимай вызов, используй технику лёгкости и уходи. Пусть думают, что ты

просто брезгуешь марасть о них руки.

— Если бьёшь — бей в полную силу.

— Не каждый достоин того, чтобы ты вытащил меч из ножен.

— Шэнь Цинхань, запомни: обнажил сталь — будь готов убить. Иначе не смей даже касаться рукояти.

— Не давай повода думать, что твой меч — это игрушка.

— Мастер бьёт наповал.

— Мастер не знает милосердия.

— Ты меня понимаешь?

<http://bllate.org/book/17523/1657658>